„Наша читальня“.

ОТВАЖНЫЕ МОРЕХОДЫ.

ПОВѢСТЬ

Редіарда Киплинга.

БЕЗПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ЖУРНАЛУ
„Путеводникъ Огонекъ“
за 1904 годъ
ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
А. А. Федорова-Давыдова.

„НАША ЧИТАЛЬНЯ“.

Отважные мореходы.

Повѣсть.

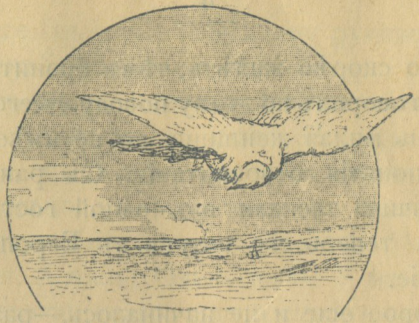
Редіарда Киплинга.

ТОМИКЪ ПЯТЫЙ

БЕЗПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ЖУРНАЛУ
„Путеводный Огонекъ“
за 1904 г.
ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
А. А. Ѳедорова-Давыдова.

Дозволено цензурою. Москва, 18 октября 1904 года.

Типо-Литографія І. И. Пашкова. Милютинскій пер., домъ Арбатской.



I.

Съ большого парохода, плывшаго въ Сѣверо-Атлантическомъ океанѣ, поминутно раздавались сигнальные свистки въ предостереженіе рыболовнымъ судамъ. Большая часть пассажировъ этого парохода собралась въ курительной комнатѣ и вела оживленный разговоръ.

— По-моему, мальчикъ Тэнъ—самое несносное созданіе, которое мнѣ приходилось когда-либо встрѣчать, — говорилъ одинъ господинъ, съ шумомъ затворяя дверь. — Я съ удовольствіемъ высадилъ бы его при первой же остановкѣ.

— Я съ вами совершенно согласенъ; — поддержалъ его бѣлокурый нѣмецъ, потягиваясь и зѣвая; — мнѣ не разъ приходилось сталкиваться съ подобными господами; Америка изобилуетъ ими.

— А по-моему, господа, вы неправы,—вмѣшался въ разговоръ пассажиръ изъ Нью-Іорка, уютно пристроившійся на диванѣ. — По-моему, мальчикъ вовсе не такъ испорченъ, какъ вы говорите,

и его надо скорѣе жалѣть, чѣмъ бранить; сегодня, утромъ, я говорилъ по этому поводу съ его матерью. Она—очень милая женщина, но не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о воспитаніи. Съ ранняго дѣтства мальчика таскали изъ одной гостиницы въ другую, а теперь его везутъ въ Европу кончать образованіе.

— Которое еще и не начиналось,—раздался изъ противоположнаго угла голосъ сидѣвшаго тамъ филадельфійца.—Подумайте только,—этому мальчику нѣтъ еще и шестнадцати лѣтъ, а онъ уже получаетъ карманныхъ денегъ двѣсти долларовъ въ мѣсяцъ! Онъ мнѣ самъ объ этомъ разсказывалъ.

— Его отецъ, кажется, желѣзнодорожникъ? — спросилъ нѣмецъ.

— Желѣзнодорожникъ; да и кромѣ желѣзныхъ дорогъ чего только у него нѣтъ,—и копи, и лѣсные склады, и суда. Въ Санъ-Діего и въ Лосъ-Анжело онъ построилъ роскошные дома. Ему же принадлежитъ и половина лѣсныхъ складовъ на берегу Тихаго океана да съ полдюжины желѣзныхъ дорогъ. Жена его можетъ тратить денегъ сколько ей вздумается,—разсказывалъ филадельфіецъ.—Она находитъ, что западный климатъ ей вреденъ, и никакъ не можетъ найти мѣстности, которая бы ее вполнѣ удовлетворила. Мальчикъ уже побывалъ съ ней и во Флоридѣ, и въ Адирондакѣ, и въ Локвудѣ, и въ Готспрингѣ, и въ Нью-Іоркѣ. Можно себѣ представить, что изъ него выйдетъ, когда онъ окончитъ свое образованіе.

— Отчего же отецъ самъ не руководитъ его воспитаніемъ?—спросилъ кто-то.

— Отецъ очень занятъ увеличиваніемъ своего богатства, и ему не до сына. Но, конечно, придетъ время, когда онъ опомнится и сознаетъ свою ошибку; только, къ несчастью, это будетъ, пожалуй, черезчуръ поздно, и поправить бѣду будетъ уже нельзя. А жаль! Очень жаль! У мальчика есть хорошіе задатки, надо только сумѣть ихъ развить.

— Съ помощью веревки, — вставилъ опять нѣмецъ.

Въ это время съ шумомъ распахнулась дверь, и на порогѣ показался худощавый мальчикъ, лѣтъ пятнадцати, съ одутловатымъ, желтымъ лицомъ. Во рту у него была сигаретка, и вообще онъ старался казаться развязнымъ, но вся его фигура носила отпечатокъ нерѣшительности. Одѣтъ онъ былъ въ вишневаго цвѣта куртку, короткіе шаровары, красные чулки и велосипедные башмаки; красная фланелевая шапочка была сдвинута на самый затылокъ. Онъ что-то тихо насвистывалъ, всматриваясь въ лица сидѣвшихъ въ комнатѣ, и, наконецъ, громко произнесъ:

— Какая скука тамъ, наружи! Только и слышны крики рыбаковъ да сигналы съ ихъ лодокъ. Недурно бы было потопить одну изъ нихъ.

— Затворите дверь, Гервей,—сказалъ мальчику пассажиръ изъ Нью-Іорка;—а еще лучше сдѣлаете, если вы и сами отсюда уйдете; здѣсь вамъ положительно нечего дѣлать.

— Насколько мнѣ помнится, мистеръ Мартинъ, не вы платили за мой билетъ, слѣдовательно, и не имѣете права меня отсюда удалять. Гдѣ я захочу, тамъ и буду, — отвѣчалъ мальчикъ, отчеканивая каждое слово, и сталъ играть косточкой съ шахматной доски.

— А какъ вы думаете, господа,—продолжалъ онъ совсѣмъ уже другимъ тономъ,—не сыграть ли намъ отъ скуки партію въ покеръ?

Отвѣта не послѣдовало; но онъ нисколько не смутился и, продолжая попыхивать сигареткой, сталъ выстукивать по столу грязными пальцами.

— Какъ чувствуетъ себя ваша матушка?—спросилъ его кто-то. — Она, кажется, не выходила сегодня къ завтраку.

— Ей сегодня что-то не по себѣ, и она не выходитъ изъ каюты,—отвѣчалъ Гервей.—Я же не могу сидѣть съ ней внизу; мнѣ тамъ сдѣлалось дурно; но, конечно, это произошло отъ того, что я первый разъ на океанѣ.

— Для чего вы оправдываетесь, Гервей?

— Какъ, я, я оправдываюсь? Вы меня не поняли, джентльмэнъ; я хотѣлъ сказать, что, несмотря на то, что я первый разъ на океанѣ, приступъ морской болѣзни былъ у меня всего только одинъ разъ, въ первый день плаванія, — возмутился Гервей, сильно ударяя кулакомъ по столу.

— Ну, хорошо, хорошо, мы и забыли, что вы слѣплены совсѣмъ изъ другого тѣста, чѣмъ мы,— отвѣчалъ, зѣвая, филадельфіецъ.

— Вы совершенно правы,—не унимался Гервей.— Прежде всего я—американецъ и я докажу имъ это въ Европѣ. Пффъ!.. Опять у меня потухла сигаретка. Я положительно не могу курить той дряни, что здѣсь продаютъ. Нѣтъ ли у кого-нибудь изъ васъ, господа, настоящей турецкой сигары?

Въ это время вошелъ въ комнату потный, раскраснѣвшійся машинистъ.

— Слушайте, Макъ, — обратился къ нему мальчикъ,—что дѣлается тамъ внизу? Не толкнемъ мы одну изъ ихъ маленькихъ, грязныхъ лодченокъ?

— Конечно, нѣтъ, — отвѣчалъ серьезно машинистъ.—Младшіе всегда почтительны къ старшимъ, а мы старшіе должны это цѣнить и поощрять.

Всѣ кругомъ засмѣялись, а нѣмецъ вынулъ портсигаръ и предложилъ Гервею темную, тонкую сигару.

— Это настоящая сигара, мой другъ, не хотите ли попробовать,—сказалъ онъ; — я увѣренъ, что она вамъ очень понравится.

Гервей съ благодарностью принялъ сигару, хотя она ему и показалась довольно сомнительной; мысленно онъ рѣшилъ, что это ему поможетъ пріобрѣсти расположеніе сидѣвшихъ здѣсь господъ.

— Отличная сигара, и я не думаю, чтобы она вызвала у меня головокруженіе,—произнесъ мальчикъ, не подозрѣвая, что онъ закуриваетъ крѣпчайшую изъ сигаръ.

— Это мы еще посмотримъ! А гдѣ мы сейчасъ

находимся, Макдональдъ? — обратился нѣмецъ къ машинисту.

— Къ вечеру мы будемъ у Большого Рифа, а сейчасъ мы плывемъ среди флотиліи рыболовныхъ судовъ. Мы перегнали уже три рыбацкихъ лодки и чуть, было, не сбили парусъ у одного француза.

— Ну, какъ вы находите мою сигару? — спросилъ у Гервея нѣмецъ, замѣтивъ на глазахъ мальчика слезы.

— Превосходная, ароматичная сигара, — отвѣтилъ тотъ сквозь зубы.—Кажется, мы уменьшили ходъ; пойду, посмотрю насколько.

— На вашемъ мѣстѣ я сдѣлалъ бы то же самое,—поддержалъ его нѣмецъ.

Гервей вышелъ и, пошатываясь, направился по мокрой палубѣ къ ближайшимъ периламъ. Ему было очень плохо, но подойти къ периламъ ему не удалось, такъ какъ по дорогѣ онъ увидалъ палубнаго служителя, которому недавно только хвасталъ, что не поддается морской болѣзни; и теперь, не смотря на сильное головокруженіе, самолюбіе его взяло верхъ, и онъ поплелся дальше на палубу второго класса. Палуба эта находилась на кормѣ, и края ея были очень покаты. Когда вошелъ туда Гервей, палуба была пуста, и онъ могъ, не стѣсняясь, прижаться къ флагштоку. Отъ невозможной сигары въ соединеніи съ сильной качкой ему дѣлалось все хуже и хуже: на лбу выступилъ холодный потъ, голова совсѣмъ отяжелѣла и въ глазахъ запрыгали искры. Онъ сталъ

терять сознаніе и при сильномъ толчкѣ упалъ черезъ перила на покатый конецъ кормы.

Спустя минуту надъ кормой шумно поднялась большая, сѣрая волна, подхватила Гервея и унесла его съ собою въ океанъ.

Какъ это произошло, Гервей не помнилъ; онъ очнулся отъ звука обѣденнаго рожка. Точь-въ-точь, какъ онъ слышалъ его въ морской школѣ, въ Адирондакѣ. Гервей сталъ, было, припоминать, что съ нимъ произошло, но скоро бросилъ, такъ какъ былъ еще очень слабъ. Онъ ощущалъ вокругъ себя какой-то новый, особенный запахъ, а по спинѣ у него бѣгали мурашки отъ прикосновенія мокраго платья. Наконецъ, онъ рѣшился открыть глаза и увидѣлъ, что лежитъ въ лодкѣ, на грудѣ полусонной рыбы, вокругъ него опять клубятся серебристыя волны, а передъ нимъ торчитъ широкая человѣческая спина, одѣтая въ синюю фуфайку.

„Это мнѣ все только такъ кажется, — подумалъ мальчикъ. — На самомъ же дѣлѣ я умеръ, и меня куда-то везутъ,—и онъ застоналъ.

Синяя фигура живо обернулась, и Гервею бросилась въ глаза пара золотыхъ серегъ, выглядывавшихъ изъ-подъ густыхъ, вьющихся волосъ.

— Ну, что? Полегчало?—произнесла фигура. — Лежи пока смирно; теперь мы скоро уже доплывемъ,—и она снова принялась усердно грести, направляя свою лодку на гладкую волну, которая подняла ее почти на двадцать футовъ вверхъ и за-

тѣмъ вновь опустила на поверхность океана. А вѣдь хорошо, что я тебя поймалъ!—продолжалъ гребецъ.—Какъ это тебя угораздило свалиться?

— Мнѣ сдѣлалось дурно, — отвѣчалъ Гервей, —и я потерялъ сознаніе.

— Я только-что сталъ трубить въ рожокъ, предупреждая вашъ корабль, чтобы онъ меня не задѣлъ, а ты вдругъ и летишь,—разсказывалъ гребецъ.—А? Каково? Сначала мнѣ показалось, что тебя изрѣзало винтомъ, но потомъ, гляжу, ты все плывешь да плывешь; я тебя и вытащилъ, какъ большую рыбу.

— А гдѣ я теперь?—спросилъ Гервей, не особенно довѣряя своему спутнику.

— У меня въ рыбацкой лодкѣ, а самъ я со шкуны „Вотъ мы“ изъ Глочестера и зовутъ меня Мануэлемъ. Ну, а теперь пора ужинать, надо спѣшить.

И онъ сталъ усиленно работать руками. Временами, не довольствуясь однимъ рожкомъ, онъ поднимался въ лодкѣ и начиналъ кричать громовымъ голосомъ въ туманное пространство. Долго ли это продолжалось, Гервей не могъ опредѣлить, такъ какъ онъ лежалъ ни живъ, ни мертвъ среди дымящихся волнъ, и ему казалось, что кругомъ, не переставая, раздаются выстрѣлы, звуки роговъ и крики.

Наконецъ, они очутились около какого-то судна, гораздо бо́льшаго размѣра, чѣмъ ихъ лодка, и Мануэль поднялъ Гервея на его бортъ. Тамъ разомъ мальчика приняли и при общемъ говорѣ

снесли въ темную, душную коморку, гдѣ его раздѣли и напоили чѣмъ-то теплымъ.

Здѣсь онъ опять потерялъ сознаніе и крѣпко уснулъ.

Проснувшись, Гервей долго не могъ понять, гдѣ онъ находится. Вмѣсто нарядной каюты онъ лежалъ въ тѣсной треугольной каморкѣ, едва освѣщенной тусклой лампой. Кромѣ его койки въ каморкѣ стояла еще мачта, столъ и старая чугунная печь. За печью сидѣлъ мальчикъ, его лѣтъ, съ плоскимъ, краснымъ лицомъ и сѣрыми глазами; на немъ, какъ и на спасшемъ Гервея человѣкѣ, была одѣта синяя фуфайка и высокіе морскіе сапоги. Такіе же сапоги и фуфайки были сложены и на полу. Вообще все пространство вокругъ койки было переполнено различнымъ скарбомъ, изъ котораго особенно выдѣлялись клеенчатыя куртки, распространявшія вокругъ себя довольно непріятный запахъ. Кромѣ того въ коморкѣ сильно пахло жареной рыбой, горѣлымъ саломъ, краской, перцемъ и крѣпкимъ табакомъ, а надо всѣмъ этимъ преобладалъ своеобразный запахъ корабля и морской воды.

Когда Гервей совсѣмъ оглядѣлся, онъ съ отвращеніемъ замѣтилъ, что грязный тюфякъ, на которомъ онъ лежалъ, не былъ даже покрытъ простыней.

Поразило его и то, что ходъ этого судна совсѣмъ не походилъ на ходъ парохода; оно не скользило по волнамъ, а какъ-то безтолково виляло.

Гервей вспомнилъ о своей матери и глубоко вздохнулъ.

— Ну, что, лучше тебѣ теперь? — спросилъ его сидѣвшій за печкой мальчикъ.—Хочешь кофе?—и онъ подалъ ему кружку съ кофе, подслащеннымъ патокою.

— А молоко у васъ есть?—освѣдомился Гервей.

— Вотъ еще чего захотѣлъ! — послѣдовалъ отвѣтъ.—До половины сентября нечего о молокѣ и думать... А кофе вѣдь недуренъ; я самъ его варилъ.

Когда Гервей выпилъ кофе, мальчикъ подалъ ему тарелку съ жареной свининой, которую тотъ съ жадностью съѣлъ.

— Платье твое я высушилъ, — сказалъ опять мальчикъ,—только боюсь, что оно сѣло. Какое оно чудно́е, совсѣмъ не похоже на наше. А теперь я тебѣ совѣтую пощупать себѣ бока, не болятъ ли; можетъ-быть, падая, ты и ушибся.

Гервей потянулся, но боли не почувствовалъ.

— Вотъ это хорошо! — радостно сказалъ мальчикъ.—Теперь одѣвайся; мой отецъ хочетъ съ тобой поговорить. Меня зовутъ Томомъ; я помогаю повару и убираю все на суднѣ. Прежде насъ было такихъ работниковъ двое,—я да голландецъ Отто, но онъ упалъ въ море, и мнѣ теперь приходится работать за двоихъ. Ну, а какъ ты-то упалъ съ корабля въ такую тишь?

— Хороша тишь! — проворчалъ Гервей.—Когда поднялся штормъ, я почувствовалъ себя дурно и, должно-быть, упалъ черезъ перила.

— Это вѣрно; вчера было легкое волненіе, но до шторма еще далеко; когда-нибудь ты узнаешь, что такое штормъ. Ну, а теперь пойдемъ скорѣй къ отцу; онъ тебя ждетъ.

Гервей не привыкъ получать приказаній. Дома ему никогда не приказывали, а только просили или уговаривали, а потому на поторапливаніе Тома онъ сказалъ:

— Твой отецъ самъ можетъ ко мнѣ придти, если ему надо меня видѣть. Я хочу только одного, чтобы онъ меня доставилъ какъ можно скорѣе въ Нью-Іоркъ. Въ этомъ раскаиваться онъ не будетъ.

Томъ отъ удивленія вытаращилъ на него глаза, такъ какъ за всю свою жизнь онъ не слышалъ ничего подобнаго.

— Отецъ, — закричалъ онъ, опомнившись, въ люкъ, — онъ говоритъ, чтобы ты самъ къ нему пришелъ, если хочешь его видѣть! Ты слышишь?

— Полно дурачиться, Томъ, — раздался сквозь люкъ густой, внушительный басъ, — веди же скорѣй малаго внизъ!

Томъ захихикалъ и бросилъ Гервею его велосипедные башмаки, которые тотъ сталъ покорно натягивать. Въ голосѣ, раздавшемся изъ люка, слышалось что-то такое властное, что́ заставило Гервея сразу покориться. Натянувъ башмаки, онъ сталъ спускаться по отвѣсной лѣстницѣ на палубу и послѣ многихъ неудачъ добрался наконецъ до пожилого мужчины, сидѣвшаго около каюты; кромѣ него на палубѣ не было ни души.

— Здравствуй, молодецъ! — пробасилъ онъ при появленіи мальчика.—Долгонько же ты спалъ!

— Здравствуйте, — отвѣчалъ Гервей, которому очень не понравилось слово молодецъ. Онъ ожидалъ совсѣмъ другого; онъ думалъ, ему будутъ соболѣзновать, а тутъ вдругъ такое равнодушіе.

— Разскажи же мнѣ, какъ тебя зовутъ и откуда или куда ты ѣхалъ,—продолжалъ старикъ;— мнѣ что-то сдается, что ты направлялся изъ Нью-Іорка въ Европу.

Гервей назвалъ свое имя и названіе парохода, на которомъ онъ плылъ; разсказалъ, какъ онъ упалъ въ море, и закончилъ свой разсказъ требованіемъ доставить его возможно скорѣе въ Нью-Іоркъ, гдѣ обѣщалъ за это большую награду.

— Гмъ! — произнесъ старикъ, котораго, видимо, совсѣмъ не тронуло упоминаніе о наградѣ.—Удивляюсь, какъ это тебя угораздило свалиться въ такую тихую погоду; твое паденіе нельзя даже извинить морской болѣзнью.

— Извинить!—воскликнулъ Гервей.— Не думаете ли вы, что я свалился въ грязную лодку ради удовольствія?

— Я не знаю, что тебѣ доставляетъ удовольствіе, молодой человѣкъ,—продолжалъ старикъ,— но мнѣ кажется, что назвать „грязной“ лодку, которая была послана Провидѣніемъ для твоего же спасенія, — грѣшно и оскорбительно. Это говорю я, Диско Труппъ, шкиперъ шкуны „Вотъ мы“, чего ты, должно-быть, еще не знаешь.

— Не знаю да и знать не хочу,— отвѣчалъ Гервей;—за свое спасеніе я, конечно, вамъ очень благодаренъ и еще разъ прошу васъ поскорѣй отправить меня въ Нью-Іоркъ, такъ какъ, чѣмъ скорѣе вы это сдѣлаете, тѣмъ для васъ будетъ выгоднѣе.

— Что-о-о, что ты сказалъ?—вырвалось у старика.

— Вамъ будетъ выгоднѣе потому, что вы получите за это больше долларовъ и центовъ,— повторилъ Гервей, радуясь, что, наконецъ, ему представился случай поразить старика своимъ богатствомъ.—Тѣмъ, что вы меня спасли, вы въ одинъ день заработали гораздо больше того, что вы получите по окончаніи лова. Я—единственный сынъ Гервея Чэнъ.

— Жалѣю твоего отца,—отвѣчалъ сухо Диско.

— Вы не можете не знать Гервея Чэнъ,—продолжалъ, не смущаясь, мальчикъ;—его всѣ знаютъ. Собирайтесь же проворнѣй въ дорогу!

При этихъ словахъ Томъ не выдержалъ и прыснулъ отъ смѣха; Гервей разсердился.

— Вамъ и за это заплатятъ,—сказалъ онъ, покраснѣвъ отъ досады.—Когда же вы думаете быть въ Нью-Іоркѣ?

— Я даже и не думаю сейчасъ туда идти,— отвѣчалъ старикъ.—Вотъ къ сентябрю мѣсяцу я могу тебя доставить къ отцу; тогда, можетъ-быть, онъ мнѣ и дастъ за это десять долларовъ, да и то если только можетъ, а то мнѣ и этого не надо.

— Десять долларовъ? Что вы? Да вотъ посмотрите...—и онъ полѣзъ въ карманъ за ассигнаціями, но тамъ, кромѣ намокшихъ сигаретъ, не было ничего.

При видѣ сигаретъ старикъ замѣтилъ:

— Ты папиросы-то, молодой человѣкъ, брось за бортъ, онѣ вредны для легкихъ.

— Меня обокрали! Все, все унесли!—кричалъ

Гервей, продолжая рыться въ карманахъ.—У меня было сто тридцать четыре доллара; отдайте мнѣ мои деньги!

Труппъ измѣнился въ лицѣ и грубо спросилъ:

— Откуда же у тебя, молодой человѣкъ, взялись такія деньги?

— Да это была часть моихъ карманныхъ денегъ за послѣдній мѣсяцъ,—отвѣчалъ Гервей, думая этимъ сразить старика; но вышло совсѣмъ иначе.

— Какъ! Сто тридцать четыре доллара и это—только часть твоихъ карманныхъ денегъ? Да понимаешь ли ты, что ты говоришь? Ужъ не ударился ли ты, падая съ парохода, о что-нибудь головой. Былъ у насъ разъ такой случай: ударился старикъ Гаскенъ головой о гротъ-мачту, шибко ударился, да недѣли черезъ три и замололъ чепуху, а потомъ и совсѣмъ задурилъ, пришлось его тогда связывать. Онъ и теперь еще живъ, живетъ себѣ на родинѣ, да въ куклы играетъ.

Гервей задыхался отъ бѣшенства, но Труппъ не обращалъ вниманія и продолжалъ:

— Жаль мнѣ тебя, очень жаль. Совсѣмъ еще мальчикъ и вдругъ... Ну да не будемъ больше говорить о деньгахъ.

— Ну да, конечно, вамъ непріятно о нихъ говорить, потому что вы ихъ украли.

— Что-жъ, думай, пожалуй, что мы ихъ и украли, если это тебя успокоитъ. Что же касается возвращенія въ Нью-Іоркъ, то это дѣло невозможное; мы только-что прибыли сюда на заработки и

раньше сентября никакъ ужъ на берегъ не возвратимся.

— Но вѣдь теперь еще только май!.. Не могу же я сидѣть здѣсь цѣлыхъ четыре мѣсяца, ничего не дѣлая!..

— Это вѣрно, — согласился Труппъ; — только кто-жъ тебѣ велитъ сидѣть сложа руки? Дѣло всегда найдется. Не думаю я только, чтобы ты умѣлъ что-нибудь дѣлать.

— Когда мы будемъ на берегу, я покажу вамъ всѣмъ, что я могу,—пробормоталъ Гервей, на что Труппъ только улыбнулся.

— Ну, довольно говорить объ этомъ,—сказалъ онъ.—У насъ на шкунѣ „Вотъ мы“ разговаривать много не любятъ. Ты будешь помогать Тому работать, а я тебѣ за это положу десять съ половиною долларовъ въ мѣсяцъ жалованья.

— Неужели вы думаете, что я стану вамъ мыть горшки и чистить палубу?—воскликнулъ Гервей.

— Конечно, да ты и не то еще будешь дѣлать, а разсуждать здѣсь не твое дѣло.

— Ничего я не стану дѣлать! Мой отецъ можетъ вамъ заплатить въ десять разъ больше, чѣмъ стоитъ вся эта ваша грязная лодчонка, если вы меня доставите въ Нью-Іоркъ. Да вы ужъ и безъ того получили отъ меня сто тридцать четыре доллара! — продолжалъ кричать Гервей, топая ногами.

— Ка-акъ? Что ты сказалъ? — проговорилъ Труппъ, мѣняясь въ лицѣ.

— Вы сами знаете какъ... Да еще требуете, чтобы я вамъ служилъ. Знайте же, что этого никогда не будетъ. Слышите?

Труппъ сосредоточенно глядѣлъ на мачту и молчалъ все время, пока горячился Гервей, и, наконецъ, произнесъ.

— Гм... Однако это не такъ просто, какъ я думалъ надо все хорошенько обсудить.

Томъ подкрался тихонько къ Гервею и, дергая его за рукавъ, прошепталъ:

— Не раздражай отца; разъ ужъ ты его назвалъ воромъ, а онъ этого не спуститъ никому въ мірѣ.

— Я сказалъ, что ничего не буду дѣлать и не буду! — закричалъ еще громче Гервей, не обращая вниманія на предупрежденіе Тома.

Труппъ посмотрѣлъ на мальчика и вдумчиво произнесъ.

— Не виню я тебя, молодой человѣкъ, совсѣмъ не виню и вижу, что ты не въ себѣ. Ну, скажи же мнѣ теперь, понялъ ли ты, что я тебѣ сказалъ: десять съ половиною долларовъ жалованья и харчи, какъ всѣмъ, - и все это для твоего же здоровья и для того, чтобы обучить тебя какому-нибудь дѣлу. Согласенъ ты или нѣтъ?

— Нѣтъ! — крикнулъ Гервей. — Доставьте меня въ Нью-Іоркъ, или я вамъ покажу!..

Что было дальше, Гервей не помнилъ. Очнув-

шись, онъ увидалъ, что лежитъ на полу и изъ носа у него течетъ кровь, а Труппъ стоитъ тутъ же рядомъ и спокойно на него смотритъ.

— Томъ,—позвалъ онъ своего сына,— я немного погорячился, но теперь мнѣ жаль малаго. Вѣдь въ сущности онъ не виноватъ, что у него помутилось въ головѣ. Будь съ нимъ поласковѣе да помоги ему сойти внизъ.

Сказавъ это, Трупъ отправился въ каюту, а Томъ остался утѣшать Гервея.

II.

— Вѣдь я говорилъ тебѣ, чтобы ты замолчалъ,— сказалъ Томъ по уходѣ старика.— Отецъ очень горячъ, но сегодня ты заслужилъ наказаніе. Развѣ можно говорить такія глупости?

Плечи Гервея вздрагивали отъ судорожныхъ рыданій.

— Я понимаю, каково тебѣ теперь,—продолжалъ Томъ.— Отецъ меня побилъ всего только одинъ разъ, и этотъ разъ былъ первымъ и послѣднимъ; больше меня не понадобилось учить, и я до сихъ поръ помню, какъ это было больно.

— Да еще какъ!—простоналъ Гервей.—Твой отецъ или пьянъ, или сошелъ съ ума; что-жъ я могу съ нимъ сдѣлать?

— Не говори такъ объ отцѣ,—прошепталъ Томъ;— онъ никогда не пьетъ, а насчетъ другого, такъ онъ самъ говорилъ намъ, что ты сумасшедшій. И

какъ только у тебя хватило духу назвать его воромъ? Вѣдь онъ мой отецъ!

Гервей сѣлъ, вытеръ носъ и сталъ разсказывать Тому, о пропажѣ денегъ.

— Я вовсе не сумасшедшій, — заключилъ онъ свой разсказъ, но твой отецъ никогда, должнобыть, не видалъ ассигнацій крупнѣе пяти долларовъ, а у моего ихъ такъ много, что онъ можетъ каждую недѣлю покупать по такой шкунѣ, какъ ваша, и все-таки у него останется еще много, много денегъ.

— Вотъ что выдумалъ! Ты не знаешь, должнобыть, чего стоитъ эта шкуна. Откуда же у твоего отца можетъ быть столько денегъ. Вѣдь господа, говорятъ, не могутъ много зарабатывать... Ну, разсказывай дальше.

— Откуда столько денегъ? Да у моего отца золотые пріиски и много другихъ богатствъ на Западѣ.

— Читалъ я о Западѣ... А что твой папа ѣздитъ всегда съ пистолетомъ на маленькомъ пони, какъ въ циркѣ? Эти мѣста зовутся „Дикимъ Западомъ“. Тамъ у всѣхъ даже шпоры съ уздами дѣлаются изъ чистаго серебра.

— Какой же ты дуракъ! — засмѣялся Гервей. — Моему папѣ не надо ѣздить на пони. Когда онъ хочетъ куда-нибудь ѣхать, то ѣдетъ въ собственномъ вагонѣ. Видалъ ли ты когда-нибудь такіе вагоны?

— Да видалъ, вагонъ Бимана,—отвѣчалъ, немного

подумавъ, Томъ.—Этотъ вагонъ стоялъ въ Бостонѣ и его скребли три негра (Томъ видѣлъ, какъ негры промывали въ вагонѣ окна). Но Биману принадлежатъ почти всѣ желѣзныя дороги въ округѣ. Онъ, говорятъ, скупилъ почти половину Нью-Гемпшира и навезъ туда львовъ, тигровъ, медвѣдей, крокодиловъ и другихъ звѣрей. Вѣдь Биманъ—милліонеръ. Его-то я и видѣлъ.

— Ну, а мой папа еще богаче. У него два вагона: одинъ названъ въ честь меня „Гервеемъ“, а другой—въ честь мамы „Констанціей“.

— Послушай,—сказалъ Томъ,—отецъ не позволяетъ мнѣ божиться; ну, а тебѣ, я думаю, можно. Прежде чѣмъ разсказывать дальше, побожись мнѣ, что все это правда, скажи: „Пусть я умру на этомъ мѣстѣ, если я лгу“.

— Что-жъ, это я могу,—сказалъ Гервей и повторилъ:—пусть я умру на этомъ мѣстѣ, если то, что я говорю, неправда.

— И то, что ты говорилъ о ста тридцати четырехъ долларахъ, тоже правда? Я слышалъ, какъ ты разсказывалъ о нихъ отцу.

Гервей, красный какъ ракъ, божился, что онъ не лгалъ. Томъ былъ малый сметливый и послѣ десятиминутнаго допроса онъ рѣшилъ, что Гервей говоритъ правду, а если что и привираетъ, то очень немного; тѣмъ болѣе, что онъ и послѣ страшной клятвы сидитъ живехонекъ да еще все прибавляетъ чудо за чудомъ.

— Я тебѣ вѣрю, — сказалъ онъ Гервею, когда тотъ кончилъ описаніе вагона, названнаго его именемъ.

Маленькая лодка была убрана на-славу, и все на ней находилось въ полномъ порядкѣ.

Гервей гребъ, а руки у него саднило отъ веселъ.

— А что, хотѣлось бы тебѣ такую лодку имѣть?— спросилъ его Денъ.

— Папа купилъ бы мнѣ двѣ лодки,—надменно сказалъ Гервей.

— Охъ, да, я и забылъ, что твой отецъ милліонеръ! — замѣтилъ Денъ. — Много же тратятъ денегъ на тебя, если сообразить...

Вдругъ у Гервея весло вырвалось изъ уключины и такъ ударило его по скулѣ, что онъ упалъ назадъ.

Морщась отъ боли, разгнѣванный поднялся Гервей и занялъ свое мѣсто,

— Не бѣда!—утѣшилъ его Денъ.—Коли дѣло не спорится,—самъ виноватъ, никто другой. Ну, здѣсь можно начать ловлю. Нечего жаться, Гервей, накалывай приманку.

Декъ въ это время насаживалъ на крючекъ ракушку.

Гервей долго возился, прежде чѣмъ опустилъ свою лесу въ воду.

Лодка медленно скользила по водяной глади.

— Эге, попалась!—крикнулъ Денъ, дернулъ лесу, и рослая треска грузно стукнулась о бортъ лодки.

Денъ схватилъ деревянный молотъ и оглушилъ треску, послѣ чего втащилъ ее въ лодку.

Гервей забросилъ лесу и ждалъ, насторожившись, какъ вдругъ лесу дернуло, и она стала быстро-быстро скользить изъ рукъ у него, такъ что она даже обожгла его.

— Тяжелая рыбина, видно! — крикнулъ Денъ.— Отпускай, отпускай лесу, давай, помогу!..

— Оставь! — сказалъ Гервей, изо всѣхъ силъ натягивая лесу.—Это первая рыба моя... Какая только? Можетъ, китъ!

— Ну, вотъ,—камбала скорѣе!..

И Денъ, держа наготовѣ молотокъ, перегнулся черезъ бортъ. Въ глубинѣ подъ лодкой что-то тревожно билось и металось.

Кожа на рукахъ у Гервея была вся въ крови, лицо побагровѣло и лоснилось отъ пота. Денъ бросился къ нему на помощь, и минутъ черезъ двадцать имъ удалось вытащить изъ воды огромную камбалу.

— Ну, повезло тебѣ!—замѣтилъ Денъ, отирая

со лба крупныя капли пота.—Поди, фунтовъ сто рыбина-то вѣситъ.

Гордо посматривалъ Гервей на свою добычу. До сихъ поръ онъ видѣлъ камбалу только въ витринахъ гастрономическихъ магазиновъ и подумать не могъ, какъ и съ какимъ трудомъ ловится она вообще.

— Будь отецъ здѣсь, онъ бы что-нибудь примѣтилъ особенное въ этомъ,--замѣтилъ Денъ.— Камбала совсѣмъ почти не попадаетъ на уловъ. Вывелась вся.

Въ эту минуту раздался выстрѣлъ изъ револьвера со шкуны „Вотъ мы“, и на мачту вздернули большую корзину.

— Ага!—сказалъ Денъ.—Отецъ созываетъ на шкуну всѣхъ насъ, значитъ, онъ что-нибудь да примѣтилъ особенное... Собирай лесу, Гервей, назадъ!..

Подходя къ шкунѣ, мальчики замѣтили въ полумилѣ отъ себя „Пенсильванію“. Она носилась на одномъ мѣстѣ, словно кто держалъ ее. Пенъ кричалъ имъ что-то, а самъ въ это время изо всѣхъ силъ старался сдвинуть судно съ мѣста, но оно не слушалось его и вертѣлось на якорномъ канатѣ.

— Ишь ты, запуталъ якорь,—сказалъ Денъ,—надо помочь ему, одинъ онъ не справится. Ужъ этотъ Пенъ, вѣчно-то онъ роняетъ якорь!.. Эй, эгой, Пенъ, налегай сильнѣй, дергай канатъ!..

— Не идетъ, ужъ я пробовалъ,—отвѣтилъ Пенъ.

Мальчики близко подошли къ лодкѣ Пена, и Денъ, перегнувшись черезъ бортъ, ухватилъ канатъ и съ силой дернулъ его раза два. Якорь поддался, и Денъ поднялъ его на лодку.

Бѣдный Пенъ жарко поблагодарилъ Дена и сталъ сматывать канатъ.

— Помутилось у бѣдняги въ мозгу, — сказалъ Денъ, когда ихъ лодка отошла отъ Пена.

— А отчего это съ нимъ? — спросилъ Гервей, налегая на весла.

— А вотъ слушай. Пенъ этотъ былъ нѣкогда проповѣдникомъ, — онъ изъ „моравскихъ братьевъ“, а звали его Яковомъ Бовзеръ. Семья была у него, жена да четверо ребятъ, и жили они гдѣ-то въ Пенсильваніи. Ну, вотъ разъ отправился Пенъ со своей семьей на сходку, а дорогой и остановился переночевать въ городѣ Джонстоунъ... Хорошо. А въ эту самую ночь поднялась непогода, и весь этотъ самый городъ смыло водой, которая прорвала плотину и хлынула на него... Ужасъ, что было, говорятъ. Дома валило, разрушало и уносило по теченію, а люди впросонкахъ тонули, даже не приходя въ себя. И вся семья Пена утонула въ эту страшную ночь. Ну, Пена это такъ поразило, что онъ помѣшался и съ тѣхъ поръ никакъ не можетъ въ себя придти. Все у него вышибло изъ памяти. И кто онъ, и куда ѣхалъ, и съ кѣмъ,— ничего-то онъ не помнилъ. Кто его ни спрашивалъ,—онъ только улыбался и пожималъ плечами. По счастью, встрѣтился Пенъ съ дядей Сольтерсъ;

тотъ сжалился надъ нимъ и взялъ его къ себѣ на ферму.

— Такъ у твоего дяди ферма своя есть?—спросилъ Гервей.

— Ну, да. Но только они съ Пеномъ потомъ бросили это дѣло. И вотъ почему. „Моравскіе братья“, къ сектѣ которыхъ принадлежалъ и Пенъ, написали дядѣ, чтобы онъ выдалъ имъ Пена. Дядя ни за что не хотѣлъ этого, продалъ ферму, пришелъ къ моему отцу и говоритъ, что онъ хотѣлъ бы съ Пеномъ вмѣстѣ съ нами отправиться въ море, на рыбачій промыселъ, будто бы для поправленія здоровья, это случилось года два тому назадъ. Дядя Сольтерсъ былъ увѣренъ, что „моравскіе братья“ не станутъ искать Пена на морѣ. Ну, отецъ и согласился: дядя Сольтерсъ раньше лѣтъ тридцать занимался рыболовствомъ и свою долю имѣлъ въ нашей шкунѣ, какъ пайщикъ. За одно лѣто жизнь на морѣ принесла огромную пользу Пену, и отецъ порѣшилъ не отпускать его отъ себя. Сколько разъ говаривалъ онъ мнѣ:—„Онъ опамятуется, вспомнитъ своихъ и тогда умретъ въ чистомъ разумѣ. Только смотри ничего не напоминай ему объ этомъ.

— Вотъ бѣдняга!—замѣтилъ Гервей. — А глядя на Сольтерса и Пена, когда они бываютъ вмѣстѣ, нельзя и подумать, чтобы Сольтерсъ такъ заботился о Пенѣ.

Они подплыли уже къ самой шкунѣ, и морякъ Труппъ крикнулъ съ палубы сыну:

— Лодки поднимать не будемъ, а сначала пообѣдаемъ... Собирайте, ребята, обѣдъ!

Старый шкиперъ Диско Труппъ былъ сегодня въ хорошемъ расположеніи духа, хотя добыча была совсѣмъ незначительна. Но явное дѣло, старый Диско Труппъ на что-то разсчитывалъ.

— Я вотъ жду все погодку,—сказалъ онъ.

— Что же вы, Диско, сами ее сдѣлаете? — сказалъ высокій Джэкъ, вглядываясь въ горизонтъ.— Нигдѣ не видно никакого признака.

Диско Труппъ ничего не отвѣчалъ, но онъ зналъ, что говорилъ. Когда послѣ обѣда они стали собираться въ путь, сильный туманъ опустился надъ моремъ, клубясь надъ водной поверхностью и разстилаясь словно пеленой надъ ней. Рыбаки подняли якорь, подняли паруса, и шкуна снялась съ мѣста и словно нырнула въ клубящійся сѣдоватый туманъ.

— А вѣтра-то нѣтъ, за туманомъ затаился! — сказалъ недовольно Диско Труппъ.

Гервей диву давался, глядя на то, какъ ловко у всѣхъ спорилась работа, хотя никакой команды онъ и не слышалъ.

— Куда это мы плывемъ?—спросилъ онъ у рыбака Тома Плэтъ.

— На ловлю, на стоянку. Вотъ походишь съ нами съ недѣлю и узнаешь многое. Что спрашивать, мы и сами-то никогда не знаемъ съ вечера, что съ нами будетъ на-утро.

Подъ носомъ судна слышалось глухое безпре-

рывное рокотаніе волнъ, изъ которыхъ иногда сильная волна, поднявшись высоко, съ грохотомъ ударяла о бокъ шкуны, обдавая палубу каскадомъ брызгъ. Со снастей срывались капли, люди медленно ходили вдоль по палубѣ въ полномъ бездѣйствіи пока. Дядя Сольтерсъ сидѣлъ и разсматривалъ, растиралъ натертыя, оцарапанныя руки, покрытыя мозолями, когда на судно налетѣла огромная волна и, гнѣвно шипя, перекинулась черезъ палубу, окативъ съ ногъ до головы дядю Сольтерса.

Онъ вскочилъ съ мѣста, отряхаясь и отплевываясь, но въ эту минуту новая волна обдала его всего. Онъ замѣтилъ на палубѣ Пена и крикнулъ ему:

— Съ ума вы сошли, Пенъ, въ такую погоду бродите по палубѣ! Идите въ каюту и спросите кофе себѣ.

И Сольтерсъ съ силой толкнулъ Пена въ дверь каюты.

— Теперь они будутъ тамъ кофе пить да въ шашки играть, проворчалъ Пенъ.—Ужъ точно, нѣтъ народа лѣнивѣй, какъ рыбаки, когда нѣтъ ловли...

— Это такъ!—крикнулъ Джэкъ.—Времени даромъ терять не слѣдуетъ. У насъ пассажиръ есть, давай его сюда. Онъ не изучилъ корабельныхъ снастей, такъ пусть же поучится у меня.

— Ну, Гервей, терпи теперь,—сказалъ Денъ,—такая ужъ участь юнги. Меня отецъ тоже въ свое время здорово училъ канатомъ.

Джэкъ битый часъ преподавалъ свою науку Гервею. По его словамъ, оснастку судна долженъ былъ узнать каждый человѣкъ, зрячій и слѣпой, трезвый и пьяный.

Наука сама по себѣ была бы ничего, и изучать на шкунѣ не Богъ знаетъ сколько надо. Но у Джэка ухватки-то были ужъ очень суровыя. Такъ, предлагая своему ученику взглянуть наверхъ мачты, онъ запускалъ въ его волосы всю пятерню и задиралъ ему голову назадъ.

Чтобы разъяснить ученику, что такое носъ и что такое корма, онъ тыкалъ его безцеремонно носомъ туда и сюда, а названіе снастей онъ сопровождалъ ударомъ веревки.

Кромѣ всего этого на палубѣ были сложены грудами разныя вещи, на которыя приходилось спотыкаться, и вообще было крайне тѣсно, такъ что не куда было дѣваться отъ сыпавшихся ударовъ.

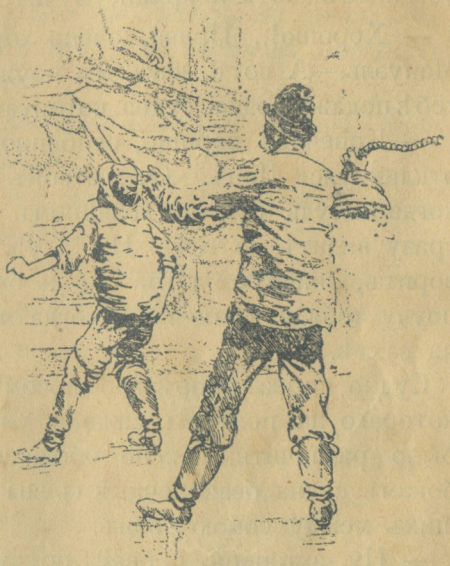
Въ концѣ-концовъ Джэкъ сдѣлалъ ему экзаменъ, и когда Гервей довольно сносно повторилъ весь курсъ знаній, Джэкъ сказалъ:

— Покажи рукой всѣ снасти.

Юнга повиновался, а Джэкъ добавилъ:

— Ну, теперь видишь ты, какъ все здѣсь ловко приспособлено, и какъ нужна каждая веревка, которая на своемъ мѣстѣ. Эхъ, ты... Я, можно сказать, чистыя деньги тебѣ въ карманъ сыплю, вотъ оно что! Послѣ такой науки, вѣдь, ты можешь свободно наняться на любой корабль, и вездѣ те-

бя охотно примутъ. Ну, а теперь я тебя поведу опять между снастями, и стану каждую снасть называть ея именемъ, а ты только указывай рукой на то, что я называю...



Усталость взяла Гервея; онъ осовѣлъ и шелъ медленно, вяло, съ развалкой, какъ вдругъ веревка свиснула и больно стегнула его около реберъ. Онъ сразу встрепенулся и ускорилъ шаги.

— Вотъ когда у тебя будетъ своя шкуна, тогда ты ходи съ развалкой, — наставительно замѣтилъ ему Томъ Плэтъ, — а теперь по приказу ты бѣгай во всю прыть.

Все тѣло у Гервея ныло и горѣло. Онъ былъ способный, умный малый, — съ рѣшительнымъ и настойчивымъ характеромъ. Но его слишкомъ баловали съ дѣтства, вотъ его натура и была ис-

порчена, и настойчивость начала уже переходить въ ослиное упрямство.

Гервею стало обидно, неловко. Онъ оглянулся на присутствующихъ, — но никто, даже Денъ, не улыбался. Очевидно, „наука“ такая была дѣломъ обычнымъ, хотя и крайне мучительнымъ.

— Хорошо!.. Право, очень хорошо!—одобрилъ Мануэль.—А вотъ, какъ мы поужинаемъ,—такъ я тебѣ покажу модель судна, которую я самъ устроилъ.

— Конечно, хорошо, особенно для новичка!— откликнулся Денъ.—Отецъ вонъ говоритъ, что ты когда-нибудь будешь хозяиномъ судна. Онъ это сразу видитъ по тебѣ. Ну, а ужъ если отецъ говоритъ, значитъ, такъ оно и будетъ. А потомъ поучу тебя и я кое-чему, когда мы будемъ стоять на вахтѣ.

Судно снова прорѣзало носомъ туманъ, изъ-за котораго на полторы сажени уже ничего нельзя было различить; неясно обозначались только по бокамъ судна безконечныя гряды зловѣще лепечущихъ между собою волнъ.

— Ну, а теперь, Гервей, поучу и я тебя измѣрять лотлинемъ глубину моря.

Диско Труппъ повернулъ руль, затормазивъ нѣсколько ходъ судна, такъ что оно пошло тихо-тихо.

Томъ кинулъ лотлинь, который грузно шлепнулся въ воду далеко передъ носомъ судна.

— Надо вымѣрить глубину,—объяснилъ Гервею Денъ.—Видишь, какой туманъ. Мы теперь съ не-

дѣлю, навѣрно, только имъ однимъ и будемъ руководиться.—Какъ глубина, отецъ?

Диско Труппъ волновался; онъ избралъ этотъ путь тайкомъ отъ всѣхъ шкунъ, надѣясь только на точное знаніе подводныхъ рифовъ; другой бы легко могъ наткнуться на подводные рифы, но старый шкиперъ точно зналъ строеніе морского дна, гдѣ они плыли.

— Вѣрно, шестьдесятъ!—откликнулся онъ, бросивъ взоръ на компасъ.

— Шестьдесятъ и есть!—отвѣтилъ Томъ Плэтъ, выбирая канатъ лотлиня.

Шкуна снова пошла полнымъ ходомъ, но черезъ 15 минутъ Диско Труппъ снова крикнулъ:

— Бросай лотлинь!..

Томъ Плэтъ кинулъ, а Денъ спросилъ.

— А много ли теперь, отецъ?

— Пятьдесятъ,—отвѣтилъ тотъ.—Мы, вѣроятно, идемъ сейчасъ надъ зеленымъ рифомъ.

— Пятьдесятъ! — откликнулся Томъ Плэтъ откуда-то изъ тумана, который совершенно скрывалъ его.

— Ну, Гервей, готовь приманку! — крикнулъ Денъ, исчезая въ туманѣ съ лесой и крючкомъ.

Шкуна, словно наугадъ, плыла въ туманномъ, спертомъ воздухѣ, яростно хлопая переднимъ парусомъ. Рыбаки молча стояли, глядя на юнгу, ожидая чѣмъ-то кончится проба лова.

Вдругъ леса Дена натянулась.

— Помоги Гервей,—крикнулъ онъ,—что-то большое попалось! И какъ это отецъ угадалъ!..

Гервей бросился къ нему, и оба они вскорѣ вытянули полупудовую треску, съ вытаращенными глазами. Крючекъ зашелъ ей глубоко въ самое брюхо. Вся она была покрыта меленькими краббами.

— Эхъ, Диско, словно у тебя глаза подъ килемъ шкуны!..—сказалъ Джэкъ.—Какъ это ты угадалъ?

Рыбаки бросили якорь и каждый примостился у борта, закинувъ въ море свою лесу.

— Когда треска покрыта этими краббами, значитъ, тутъ идетъ цѣлое стадо трески и все стадо—голодное; оттого рыба такъ жадно и схватываетъ приманку. Все равно, что ни повѣсь на крючокъ, а то и пустой брось,—онѣ схватятъ и проглотятъ,—замѣтилъ Джэкъ.

— Эхъ, сколько ихъ! — крикнулъ Гервей, слыша, какъ одна треска за другой то-и-дѣло грузно шлепались на палубу. — Отчего вы не ловите всегда со шкуны, а чаще съ лодокъ?..

— Ничего бы ловить со шкуны, да чистка рыбы мѣшаетъ. Дѣло въ томъ, какъ станешь кидать отбросы отъ рыбы за бортъ шкуны,—рыба вся запугается и опустится на дно. Ну, и опасно на шкунѣ въ такія мѣста заходить, гдѣ рифовъ много: того гляди напорешь на нихъ судно. Надо такъ же хорошо и точно знать дно моря, какъ мой отецъ... Придется въ эту ночь закидывать неводъ. А что,

Гервей, со шкуны-то какъ-будто бы труднѣе ловить, чѣмъ съ лодки?

И это была правда. Съ лодки рыбу поднять не трудно,—она до послѣдней минуты плыветъ за лодкой, а со шкуны надо перевѣситься черезъ бортъ, навалившись на него грудью, и вытягивать бьющуюся рыбу на палубу.

Между тѣмъ на палубѣ уже образовалась цѣлая груда выуженныхъ рыбъ.

Гервей свернулъ лесу вмѣстѣ съ другими рыбаками и отряхнулъ съ клеенчатой куртки морской илъ.

— Ступай, принеси кофе! — крикнулъ кто-то Гервею.

Въ каютѣ между тѣмъ дядя Сольтерсъ и Пекъ сидѣли за шашечницей и играли въ шашки.

Гервей съ лѣстницы крикнулъ Пеку, чтобы онъ подалъ кофе.

— Что такое у васъ случилось? — окликнулъ Гервея дядя Сольтерсъ.

— Наловили цѣлый ворохъ крупной рыбы, и только.

Когда Гервей поднялся на палубу съ дымящимся кофейникомъ,—Денъ спросилъ:

— Что, они все въ шашки играютъ? Ну, ладно,—значитъ, не намъ съ тобой придется чистить палубу. За ними чередъ, отецъ справедливъ, потачки не даетъ.

Диско ничего не упускалъ изъ виду, онъ слышалъ и это.

— А пока они чистить палубу будутъ, юнги пускай готовятъ невода,— невозмутимо - холодно замѣтилъ онъ.—Пенъ вамъ поможетъ.

Невода были особые у рыбаковъ; это были канаты, аккуратно свернутые кольцами и уложенные въ бочки. Къ канатамъ на разстояніи двухъ-трехъ аршинъ были прикрѣплены большіе, прочные крючки.

Большого труда и ловкости требуетъ приготовленіе невода къ лову; надо развернуть канатъ, испробовать прочность крючковъ, насадить приманку, а потомъ, послѣ лова, уложить эти канаты обратно въ бочки.

— Сбѣгай, Гервей, въ трюмъ, принеси ракушекъ для приманки! — крикнулъ Декъ, возясь около бочекъ.

— Сажайте рыбьи отбросы на приманку,— сказалъ, услыхавъ это, Диско Труппъ; — рыба пойдетъ на это.

Денъ былъ привыченъ къ дѣлу и насаживалъ приманку на крючки, не глядя даже на нихъ. Зато Гервею пришлось плохо: отъ непривычки онъ то-и-дѣло накалывалъ пальцы крючками и недовольно ворчалъ, проклиная свою горькую долю.

— Да, я съ малолѣтства, когда еще ходить не умѣлъ, снаряжалъ неводъ на берегу, — сказалъ Денъ.

— Отецъ,—крикнулъ онъ черезъ люкъ внизъ, гдѣ Диско Труппъ и Томъ солили рыбу,—сколько бочекъ заготовить?..

— Довольно будетъ трехъ. Только пошевеливайтесь живѣе, ребята!

— Такъ, ловко,—проворчалъ Денъ. — Въ каждомъ-то канатѣ триста саженъ, - значитъ, какъ-разъ на всю ночь хватитъ работы. Ой, и мнѣ попало, накололъ! Вотъ ужъ ни за что бы не поступилъ на рыболовное судно, гдѣ одними неводами рыбу ловятъ!

— А чего же ты самъ затѣялъ это дѣло?—буркнулъ Гервей. — Вотъ всѣ пальцы у меня исколоты въ кровь.

— Это отецъ надумалъ. А ужъ онъ знаетъ, когда надо ловить рыбу неводомъ. Посмотри-ка, какую кучу рыбы мы зато выловимъ.

Когда канаты были снаряжены, Томъ и Джекъ нагрузили въ лодку бочки и пустили ее на бурныя, сѣдыя волны.

Лодку сразу вскинуло на гребень волны, и казалось, ее вотъ-вотъ сейчасъ ударитъ и разобьетъ о бокъ шкуны. Но она быстро скользнула въ сторону и исчезла въ туманной мглѣ.

Денъ подозвалъ Гервея и подалъ ему веревку отъ колокола.

— Звони, не переставая, — сказалъ онъ, — слышишь?

И Гервей съ рвеніемъ сталъ бить въ колоколъ, увѣренный въ томъ, что отъ него зависитъ жизнь или смерть двоихъ рыбаковъ.

Диско Труппъ между тѣмъ былъ болѣе чѣмъ

спокоенъ и даже улыбался на усердіе Гервея, а Денъ сказалъ:

— Погода не сильная, и звонить-то не стоитъ. И мы бы съ тобой сумѣли закинуть неводъ.

Нѣсколько времени спустя, что-то глухо ударило о бокъ шкуны, раздались крики. Мануэль съ Деномъ бросились къ борту, изъ за котораго показались фигуры Джэка и Тома; вода струилась съ нихъ потоками. Лодку ихъ подняли къ борту и утвердили на мѣстѣ.

Топоча съ грохотомъ сапогами, чтобы выгнать оттуда воду, Джэкъ направился въ каюту, а за нимъ слѣдомъ двинулись и остальные.

Ужинъ былъ готовъ, Гервей плотно наѣлся вареной рыбы съ горохомъ и сквозь сонъ съ трудомъ слушалъ Мануэля, который, досталъ модель шкуны и объяснялъ ея устройство и оснастку.

Гарвей спалъ совершенно, и Пенъ, подойдя къ нему, отвелъ его на койку, гдѣ онъ и заснулъ мертвецкимъ сномъ.

— Эхъ, поди, родные о немъ тужатъ, думаютъ, утонулъ сынокъ!..—замѣтилъ Пенъ, вглядываясь въ лицо спящаго. — Каково это, сынишку-то потерять!

— Ну, ну, нечего ныть! — осадилъ его Денъ. — Скажи лучше отцу, что я за Гервея отстою его вахту, а то мальчуга и то усталъ страхъ какъ!..

— А мальчикъ — ничего себѣ, — замѣтилъ Мануэль, укладываясь на свою койку.—Изъ него хо-

рошій рыбакъ будетъ. И вовсе онъ не такъ глупъ, какъ Диско Труппъ думаетъ...

Скоро храпъ раздался кругомъ. А вѣтеръ все крѣпчалъ, и на вахту выходили не юнги, а старшіе, дежуря по очереди, подтягивали снасти, осматривали, надежно ли надвязаны якори.

Вѣтеръ со свистомъ трепалъ снасти и щелкалъ угломъ паруса; кухонная дымовая труба шипѣла отъ падавшихъ на нее брызгъ.

ГЛАВА IV.

Когда Гервей всталъ, одна часть рыбаковъ уже завтракала. Дверь зѣвала и хлопала отъ вѣтра, шкуна трещала подъ ударами волнъ, кухонная посуда громыхала на полкахъ. Шкуна, содрогаясь, словно карабкалась, карабкалась куда-то вверхъ, а потомъ тотчасъ же проваливалась въ бездну. Волны налетали на палубу, разсѣкаемыя судномъ, съ грохотомъ, напоминающимъ выстрѣлы.

— Ну, а теперь на отдыхъ, покойной ночи!— молвилъ Джэкъ и змѣей скользнулъ на свою койку. Томъ улегся тоже, а Сольтерсъ съ Пекомъ пошли отбывать свою вахту.

Поваръ готовилъ завтракъ для второй смѣны рыбаковъ, которые одинъ за другимъ медленно спускались со своихъ коекъ, зѣвая и потягиваясь, и усаживались за столъ. А потомъ Мануэль закурилъ трубку, усѣлся поудобнѣе и положилъ ноги

на столъ; Декъ, лежа на койкѣ, наигрывалъ на разбитой гитарѣ, поваръ чистилъ картофель.

Душно и жарко было въ каютѣ, и Гервей на себя диву давался, какъ это онъ до сихъ поръ еще способенъ выносить все это.

Онъ легъ снова на койку и спросилъ у Мануэля:

— Долго такая качка будетъ?

— Да пока не стихнетъ. Либо въ эту ночь, либо черезъ двое сутокъ. А что, не по нраву тебѣ это?

— Да нѣтъ, только я на себя дивлюсь: съ недѣлю бы назадъ, я бы изнемогалъ отъ морской болѣзни, а теперь все ничего.

— А это, миляга, оттого, что мы изъ тебя рыбака сдѣлали. Вотъ вернешься въ Глочестеръ, такъ поставь три свѣчки Богородицѣ въ нашей церкви, на холмѣ. Она—вѣрная заступница рыбаковъ...

Между тѣмъ Денъ затянулъ рыбацкую пѣсню, а Джэкъ ему сталъ вторить. Въ пѣснѣ говорилось о глупомъ матросѣ, который не умѣлъ бросать лотъ. Томъ не любилъ эту пѣсню, такъ какъ Денъ при этомъ косился на него, словно явно намекалъ именно на его неумѣніе.

Томъ опустилъ руку съ койки и нашарилъ ею на полу резиновый сапогъ.

Въ ту же минуту сапогъ перелетѣлъ черезъ всю каюту и ударилъ юнгу по плечу.

— Нате сдачу!—крикнулъ Денъ, словно попадая сапогомъ въ Тома.—Коли не нравится моя

пѣсня,—доставайте скрипку. Нечего такъ-то лежать да болтать зря.

Томъ тотчасъ же досталъ изъ ящика старую, простенькую скрипку, а Мануэль вынулъ что-то вродѣ гитары.

— Вотъ это концертъ, такъ концертъ!—проворчалъ Джэкъ, слушая музыку въ облакахъ табачнаго дыма.

Каскадъ брызгъ ворвался въ запахнутую дверь, и Диско Труппъ медленно сошелъ въ каюту въ своемъ клеенчатомъ пиджакѣ.

— Ну, что тамъ?

— Да все одно и то же.

Томъ Плэтъ между тѣмъ затянулъ унылую пѣсню, которая такъ походила на вой бури и на скрипъ снастей. Но всего страшнѣе было то, что вдругъ, совершенно неожиданно для всѣхъ, черный поваръ бросилъ чистить картофель, взялъ скрипку, прислонился къ косяку двери и заигралъ что-то дикое, бурное и страшное, а потомъ выкатилъ бѣлки и запѣлъ на какомъ-то непонятномъ нарѣчіи пѣсню. Это пѣсня была странная, и среди скрипѣнія досокъ судна и плеска волнъ она лилась и стонала, какъ морской бурный прибой. И когда она кончилась, то негръ испустилъ отчаянный вой.

— О, Господи!.. Вотъ страхъ-то!.. Даже морозъ по кожѣ подираетъ! Это что, колдовство такое? Надо будетъ закусить какой-нибудь нашей пѣсней,—сказалъ Денъ и запѣлъ, тренькая на гитарѣ,

странную пѣсенку, которая скорѣе походила на заклинаніе.

— Э! Брось!—закричалъ Томъ.—Ты бѣду на насъ накликать хочешь, что ли? Вѣдь это пѣсня Іоны.

— А это что значитъ?—спросилъ Гервей.

— Это, малый, что-то роковое, ужасное, что̀ губитъ счастье. Иногда это—человѣкъ, иногда—какой-нибудь бездушный предметъ. Вонъ одинъ матросъ былъ Іоной, пока онъ не утонулъ. А то вонъ лодка была на одномъ суднѣ, она то же была Іоной: она утопила четырехъ человѣкъ, а по ночамъ огнемъ горѣла... Да...

— Какъ вы вѣрите всѣмъ этимъ пустякамъ?—горячо воскликнулъ Гервей.—Вѣдь ты же самъ говорилъ не разъ, что всякому—своя судьба.

Ропотъ неудовольствія послышался отовсюду.

— Да, на землѣ—такъ, а на морѣ иногда бываютъ странныя вещи, и ты, юноша, не смѣйся надъ Іоной,—сказалъ мрачно Диско.

— Ну, Гервей не Іона,—онъ намъ счастье принесъ... Какой богатый уловъ-то былъ, когда онъ только къ намъ попалъ!—замѣтилъ Декъ.

Вдругъ черный поваръ закатился отчаяннымъ хохотомъ.

— Ты чего?—крикнулъ на него Джекъ.—Будетъ, намъ это надоѣло!

— Да ловля-то вѣдь еще не кончена,—замѣтилъ негръ.

— Гервей бѣды не принесетъ. Онъ—добрый малый,—сказалъ Декъ.

— Это такъ, а впослѣдствіи онъ будетъ твоимъ господиномъ, Денъ.

— Еще что!.. Все, что хочешь, только этого не будетъ никогда.

— А я говорю, что это—господинъ,—ткнулъ пальцемъ негръ на Гервея,—а ты—его слуга.

— Вотъ новости!—засмѣялся Денъ.—А когда это случится?

— Да нѣсколько лѣтъ подождите,—и я вамъ это напомню.

— А ты почему знаешь?—гаркнулъ Томъ.

— А я вижу это у себя въ головѣ.

— Какъ?.. Что такое?..

Негръ уронилъ голову, тихо сказалъ:

— Не знаю право, а ужъ такъ оно будетъ...— и пошелъ въ кухню.

— Ну, большія чудеса должны случиться, покамѣстъ Гервей будетъ мною командовать,—сказалъ Денъ, качая головой. — Прояснилось! — крикнулъ онъ почти тотчасъ же сверху, и всѣ быстро поднялись съ мѣста и пошли изъ каюты на палубу, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ.

Туманъ порѣдѣлъ значительно, но море еще не улеглось и гнѣвно пѣнило громадныя волны, которыя то опускали шкуну въ глубокія ущелья, то вскидывали ее вверхъ на гребни мощныхъ, пѣнящихся волнъ. Въ глазахъ у Гервея рябило отъ

безпрестанной смѣны бѣлыхъ и темныхъ пятенъ на поверхности бушующаго моря.

— Э, никакъ вдали кто-то идетъ, — замѣтилъ Сольтерсъ.

— Можетъ, кто изъ нашихъ,—сказалъ Диско.— А море-то все еще волнуется. Живѣе, Денъ, взлѣзь-ка повыше, погляди, не видно ли буйка невода.

Денъ ловко въ одну минуту вскарабкался по снастямъ и сразу замѣтилъ черную отмѣтку на буйкѣ, на разстояніи мили отъ нихъ.

— Все ладно!—крикнулъ онъ.—Въ морѣ виденъ парусъ, а на сѣверѣ—дымъ. Видно, шкуна!

Минутъ тридцать прошло въ ожиданіи, и вдругъ вдали вынырнула тупая мачта и опять пропала; потомъ волны подняли судно и показали высокую корму, надъ которой были подняты бурые паруса.

Рыбаки пристально вглядывались въ путника и понемногу замѣтили, что такелажъ (снасти) на немъ былъ порядкомъ истрепанъ и, перепутанный, разлетался отъ вѣтра по сторонамъ. Судно шло, виляя на своемъ пути, какъ попало. Бушпритъ былъ задранъ кверху, а утлегаръ былъ весь разбитъ. Что-то безобразное, растрепанное представляло изъ себя это судно, когда волны вскидывали довольно высоко его носъ и осаживали на корму.

— Это Айбишоу,—сказалъ Сольтерсъ.—И, вѣроятно, весь экипажъ пьянъ.

— Ну, затопитъ ихъ, — замѣтилъ Джэкъ. — Въ такую непогоду такелажъ не выдержитъ.

— Ничего, выдержитъ! — отозвался Диско.—А мнѣ кажется, они разсчитываютъ потопить насъ. Гляньте-ка, носъ у нихъ въ воду клюетъ.

— Да, нагружено оно неладно,—сказалъ Томъ;— отъ такой нагрузки живо на дно угодить, можно...

— Кто ихъ знаетъ, можетъ, просто конопатка вылѣзла, воду и заливаетъ... Только тогда пора было бы выкачивать воду...

Съ скрипомъ и трескомъ шло судно противъ вѣтра. На палубѣ стоялъ сѣдобородый старикъ, который что-то хрипло и неясно кричалъ имъ.

Мрачная тѣнь затуманила лицо Диско Труппа.

— Айбишоу всегда радѣхонекъ дурную вѣсть принести,—проворчалъ онъ;— вонъ, кричитъ, вѣтеръ перемѣнился. Айбшиоу, пора за помпу взяться.

И Диско знаками показывалъ это, но встрѣчные моряки только смѣялись и дразнили его тѣмъ же.

— Ага!.. Не улизнули вы отъ насъ... Накрыли мы васъ все-таки!..—вопилъ старикъ Айбишоу.— А штормъ будетъ знатный! На послѣдкахъ гуляешь ты, старая треска!.. Не видать тебѣ больше берега!..

— Вретъ, какъ всегда,—сказалъ Томъ.—Досадно только, что они насъ выслѣдили.

Вѣтромъ шкуну отнесло въ сторону, и криковъ не стало слышно. Когда судно проходило мимо, Гервей съ ужасомъ увидѣлъ загрязненную палубу и растрепанныхъ, оборванныхъ и полупьяныхъ моряковъ.

— Истый пловучій адъ! — сказалъ Джэкъ. — А чѣмъ этотъ старикъ на сушѣ занимается?

— Неводомъ рыбу ловитъ, — отвѣтилъ Денъ. — Онъ больше живетъ на пустынныхъ берегахъ Ньюфаундлэнда. Ужъ и отчаянный же народъ тамъ! Отецъ никогда не беретъ меня туда съ собой. А Айбишоу—сущій разбойникъ. Его шкунѣ, поди, всѣ семьдесятъ лѣтъ будетъ. Его всюду зовутъ страшнымъ именемъ Іоны. Пьетъ онъ сильно, а деньги добываетъ тѣмъ, что морочитъ другихъ, ворожитъ имъ, напускаетъ вѣтеръ, заклинанія говоритъ разныя, чисто сумасшедшій человѣкъ.

Между тѣмъ мореходы глазъ не спускали со шкуны Айбишоу, которая такъ и плясала на волнахъ, словно сумасшедшая. Вдругъ черный поваръ крикнулъ:

— Смотрите, онъ самъ на себя напророчилъ бѣду! Конецъ ему!..

И точно, въ трехъ миляхъ отъ нихъ шкуна Айбишоу вдругъ словно осѣла внизъ и провалилась въ воду.

— Поднимайте паруса!.. Снимайся съ якоря!.. Живѣй!.. — крикнулъ Диско. — Надо спасти ихъ!..

Дѣло шло о жизни и смерти, и судно быстро понеслось по бурнымъ волнамъ къ тому мѣсту, гдѣ погрузилась на дно шкуна Айбишоу. Но ничего не было видно тамъ, только буйки невода плавали по поверхности, бутылки да кадка съ вы ломаннымъ дномъ.

Надвигался снова туманъ, и шкуна „Вотъ мы“ вернулась назадъ къ своему неводу.

Послѣ обѣда вѣтеръ утихъ, такъ что можно было начать удить рыбу прямо съ борта. И уловъ былъ обильный, и все время шла крупная рыба.

— Не удалось Айбишоу накликать штормъ и бѣду; онъ словно съ собою унесъ на дно несчастье, — сказалъ Сольтерсъ. — Я не суевѣренъ. А что теперь дѣлать съ неводомъ?

Томъ Плэтъ посовѣтовалъ вытянуть его и бросить якорь въ другомъ мѣстѣ.

— Счастье раздѣлилось на-двое, — замѣтилъ черный поваръ. — Вотъ вы посмотрите, тогда и узнаете. А я ужъ знаю, что говорю.

Джэка за живое взяли эти странныя слова, и они вмѣстѣ съ Томомъ рѣшили отправиться осмотрѣть неводъ, т. е. поднять его на бортъ, снять рыбу, которая попалась въ немъ, насадить новую приманку и снова опустить въ море. Это была тяжелая и опасная работа. Они отплыли, и, немного погодя, лодка ихъ подошла къ шкунѣ, нагруженная тяжело.

— Вотъ оно счастье-то! — крикнулъ Джэкъ, начиная перебрасывать рыбу черезъ бортъ шкуны.— И правда, что оно раздвоилось. Томъ хотѣлъ взять только половину рыбы, да я хотѣлъ поддержать пророчество нашего чернаго повара. Вторая-то половина вся изъ крупныхъ рыбъ состояла. Давай, ребята, приманку; нынче и то, видно, счастливый день.

Рыба хорошо шла на крючки, ходко; однѣхъ снимали, сажали новую приманку, снова снимали вновь попавшихся. Томъ и Джэкъ только и дѣлали, что плавали вдоль невода, снимали рыбу и бросали ее въ шедшую за ними лодку Мануэля.

И такъ работа шла вплоть до сумерокъ, когда Диско, наконецъ, крикнулъ:

— Будетъ, нечего напрасно рисковать. Помните Айбишоу!.. Поднимайте лодки, а послѣ ужина рыбу чистить да солить начнемъ.

Работы рыбакамъ въ тотъ вечеръ было по горло вплоть до девяти часовъ вечера.

— Нынче ты что-то молчишь да хмуришься?— сказалъ Денъ Гервею, когда старшіе ушли.

— Да думалъ я все,—отвѣтилъ тотъ,—думалъ о томъ, какъ море легко и просто глотаетъ людей.

А между тѣмъ шкуна бодро подскакивала на крутыхъ, упругихъ волнахъ и низко опускалась вмѣстѣ съ ними; она то пятилась передъ огромнымъ водянымъ валомъ, то врѣзалась въ него и отчаянно скрипѣла и завывала такелажемъ.

— Она словно живая,—замѣтилъ Гервей.

— Она крѣпка—что твой домъ, суха, какъ рыба!—въ восторгѣ воскликнулъ Денъ, вставая и пошатываясь на ногахъ отъ качки.—Только она старая. А посмотрѣлъ бы ты на новыя суда. Все у нихъ хорошо устроено, прилажено и разныя хитрости придуманы, чтобы только нашу тяжелую работу облегчать. Прелесть одна! Только отецъ

ихъ не хвалитъ, говоритъ, качка на нихъ чувствительнѣе да и стоютъ они дорого.

— А сколько, Денъ?

— Цѣлый ворохъ долларовъ. Почитай, 15.000, ежели только не больше. Потому на нихъ разныя золотыя украшенія, да и мало ли что...

ГЛАВА V.

Съ этихъ поръ мальчики еще больше подружились другъ съ другомъ. Много они говорили между собою, повѣряли свои тайныя мысли, дальнѣйшіе планы.

Потомъ, когда у Гервея на рукахъ пошли нарывы отъ того, что фуфайка и клеенчатый пиджакъ больно растирали кожу, а морская вода разъѣдала ихъ, — Денъ вылѣчилъ его, разрѣзавъ нарывы отцовской бритвой. Но болѣе всего дружба ихъ скрѣпилась дракой, которая произошла послѣ этого лѣченія. Мальчики, сцѣпившись другъ съ другомъ, катались по всей палубѣ, покамѣстъ Пенъ не разнялъ ихъ.

Онъ далъ слово ничего не говорить о томъ Диско, потому что тотъ строго взыскалъ бы за драку на вахтѣ.

Конечно, Денъ его одолѣлъ, но новая жизнь уже успѣла хорошо повліять на Гервея: хотя Денъ и одолѣлъ его, но онъ забылъ эту обиду и

уже не искалъ случая отплатить ему за это сторицею.

Собственно Гервей не только примирился со своей участью, но онъ даже чувствовалъ себя теперь на много лучше.

Это пришло ему въ голову, когда разъ онъ стоялъ на палубѣ и перекорялся съ поваромъ, который упрекалъ его и Дена за то, что мальчики будто бы таскаютъ у него жареный горохъ.

Да, теперь дѣло было лучше; теперь ему не приходилось выносить насмѣшекъ отъ пассажировъ, какъ это было въ каютѣ парохода.

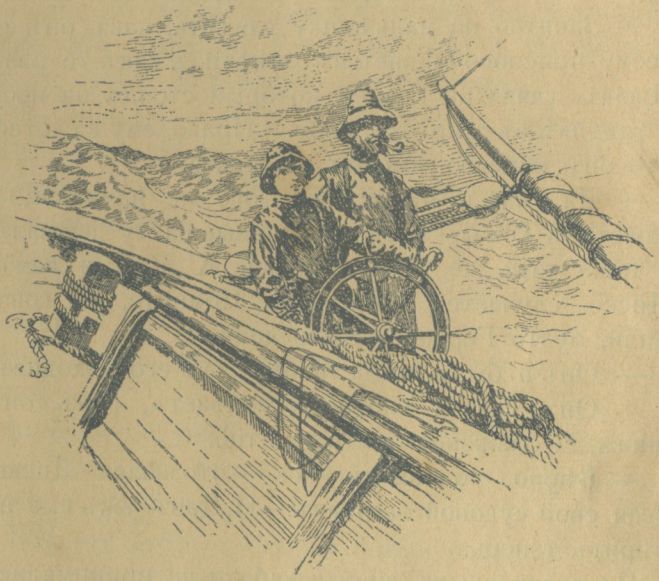
Теперь его всѣ считали на шкунѣ „своимъ“, членомъ ихъ кружка, у него было свое опредѣленное мѣсто за столомъ и на койкѣ; онъ принималъ участіе въ общихъ разговорахъ, а во время бури потѣшалъ сослуживцевъ „волшебными сказками“ о своей прошлой жизни.

Шкиперъ Диско Труппъ управлялъ судномъ и плавалъ уже много лѣтъ, имѣя, какъ руководство, инструментъ для опредѣленія широты, морской альманахъ, еще двѣ-три старыя морскія книги да лотъ, которымъ измѣрялся ходъ судна и морское дно. Гервей, конечно, благодаря своему прежнему ученію, легко примѣнился къ этимъ „умственнымъ“ занятіямъ и часто помогалъ Диско Труппу въ его работахъ по опредѣленію широты, хода судна и по изслѣдованію морского дна помощью лота.

Привычка въ работѣ, опытъ руководили больше всего Диско, и онъ по инстинкту переводилъ

шкуну съ одного мѣста на другое и всегда попадалъ на богатое рыбой мѣсто; право, словно онъ самъ былъ треской и поэтому зналъ, гдѣ ему надо искать ее.

Часто то одинъ рыбакъ, то другой брали Гервея съ собою на ловлю; сначала у мальчика сердце



замирало отъ ужаса, что они, того и гляди, пойдутъ ко дну, — но человѣкъ ко всему привыкаетъ, и Гервей скоро пристрастился къ такой опасной работѣ.

Въ ясные дни Гервея учили управлять судномъ, и у него по тѣлу мурашки пошли отъ радости,

когда онъ почувствовалъ, что шкуна подалась и скользнула по волнамъ, повинуясь натиску его руки, которою онъ сжималъ ручку штурвала.

По-мальчишески Гервей подражалъ всѣмъ мореходамъ по очереди: то ходилъ, сгорбившись, какъ Диско, то дѣлалъ размашистыя движенія вродѣ Джэка, то ходилъ твердой походкой Тома Плэта.

— Занятно на мальчишку глядѣть, какъ онъ ко всему приспособливается!—замѣтилъ какъ-то разъ Джэкъ, глядя на Гервея, который стоялъ на носу и глядѣлъ въ открытое море.—Право, ему кажется, что онъ комедію ломаетъ на сценѣ.

— Да вѣдь и мы всѣ съ того же начинали,—замѣтилъ Томъ.—Когда я впервые вахту держалъ, я тоже такъ же вотъ ломался. А вѣдь и вамъ, Диско, случается ошибаться. Помните, вы говорили, будто Гервей сумасшедшій?..

— Онъ и былъ тогда такимъ, да я его выходилъ.

— Онъ сказки словно сказываетъ, какъ онъ жилъ да блаженствовалъ гдѣ-то!..

— Вѣрно, сочиняетъ ихъ,—отозвался Диско, ведя свой судовой журналъ.—И Денъ ужъ ему не вѣритъ теперь...

По воскреснымъ днямъ рыбаки не принимались за работу. Они брились, умывались на-чисто, одѣвались почище, и если бывала хорошая, тихая погода, Пенъ пѣлъ духовные гимны. А больше всего любили эти простые люди слушать, какъ онъ читалъ имъ изъ старой-разстарой книги въ кожаномъ переплетѣ разныя повѣствованія о пу-

тешествіяхъ, походахъ и сраженіяхъ: Пенъ вообще былъ молчаливъ, и могъ дня три кряду словомъ единымъ не обмолвиться. Но онъ любилъ играть въ шашки, съ удовольствіемъ слушалъ пѣсни и смѣялся, когда шутили между собою его товарищи.

Къ Гервею онъ всей душой привязался. По его мнѣнію, это былъ ребенокъ да еще помѣшанный, какъ ему сказали. Глядя на это и Сольтерсъ сталъ лучше обращаться съ Гервеемъ.

Но больше всего Гервей боялся Диско и не позволялъ себѣ съ нимъ никакихъ вольностей или шутокъ, хотя Диско уже не командовалъ имъ и не приказывалъ, а какъ бы совѣтовалъ: „Не лучше-ль такъ вотъ устроить?“ Но въ лицѣ Диско было какое-то особое выраженіе, складъ его губъ, морщины на углахъ его глазъ, — отъ чего сразу могли отрезвляться самыя пылкія, юношескія натуры.

Многому научился Гервей отъ этихъ рыбаковъ, даже ужъ изъ однихъ ихъ разсказовъ, особенно, въ непогожіе дни.

Всѣ эти добрые, трудолюбивые ребята въ досужее время любили поразсказать кое о чемъ; у каждаго было много разнаго матеріала для росказней.

Диско любилъ разсказывать только о томъ, что онъ видѣлъ на своемъ вѣку. Разсказы были дѣйствительно крайне интересны и граничили даже съ сверхъестественностью. Особенно хорошо зналъ Диско о Дизни, хитростяхъ и дѣлахъ въ подвод-

номъ царствѣ у трески. И всѣ эти удивительные разсказы не были выдумкой, а чистѣйшей правдой.

Джэкъ разсказывалъ всякіе ужасы, то, чего не бывало никогда, то, что захватывало глубокій интересъ простыхъ слушателей, — сказывалъ онъ разныя легенды, зналъ неизмѣримое количество всевозможныхъ примѣтъ.

Томъ Плэтъ разсказывалъ о своей боевой службѣ на старомъ военномъ кораблѣ. Отживалъ блокаду, стрѣльбу изъ пушекъ, стоянки кораблей. Собственно онъ работалъ только на парусныхъ судахъ, а пароходовъ не хотѣлъ знать и сталъ рыбакомъ.

Кокъ не любилъ много болтать. Онъ больше все упорно отмалчивался и только изрѣдка на него находило словно вдохновеніе какое-то, и онъ начиналъ говорить нѣчто въ родѣ пророчества, чѣмъ крайне смущалъ всѣхъ.

Чаще и охотнѣе всего говаривалъ онъ съ юнгами, причемъ неизмѣнно утверждалъ, что рано ли, поздно ли, а Гервей будетъ господиномъ Дена.

За обѣдомъ, какъ всегда освѣдомлялся, нравится ли обѣдъ Гервею. Всѣ обѣдавшіе покатывались со смѣху, хотя въ душѣ иногда смотрѣли на Гервея какъ на загадочную личность.

Это происходило отъ того, что и на кока всѣ смотрѣли, какъ на страннаго чудака, но одаренаго даромъ прозрѣнія.

Между тѣмъ шкуна „Вотъ мы“ шла къ своей цѣли, и работа на ней не затихала ни на минуту.

Работа шла успѣшно, и запасы рыбы росли не по днямъ, а по часамъ.

За Диско слѣдили соработники на другихъ судахъ, потому что хорошо знали его опытность и умѣнье выбирать рыбное мѣсто. Но Диско не любилъ по-

добныхъ подглядываній и подъ прикрытіемъ тума́на не разъ ловко ускользалъ отъ соглядатаевъ и бросалъ якорь на новомъ мѣстѣ.

Во-первыхъ, онъ любилъ производить опыты одинъ только съ близкими товарищами; а вовторыхъ, не любилъ смѣшиваться съ людьми другой національности. Онъ боялся затѣять дѣло съ невѣдомыми людьми и попасться такимъ образомъ въ передѣлку. Отъ большой прибыли всегда рождаются алчность, жадность, и обуздывать людей всегда бываетъ очень тяжело. Богъ знаетъ, какія случайности могутъ произойти на почвѣ выгодныхъ интересовъ!..

— Нѣтъ, лучше въ сторонѣ отъ нихъ держаться,—говаривалъ Диско.—Впрочемъ, мнѣ это не нравится.

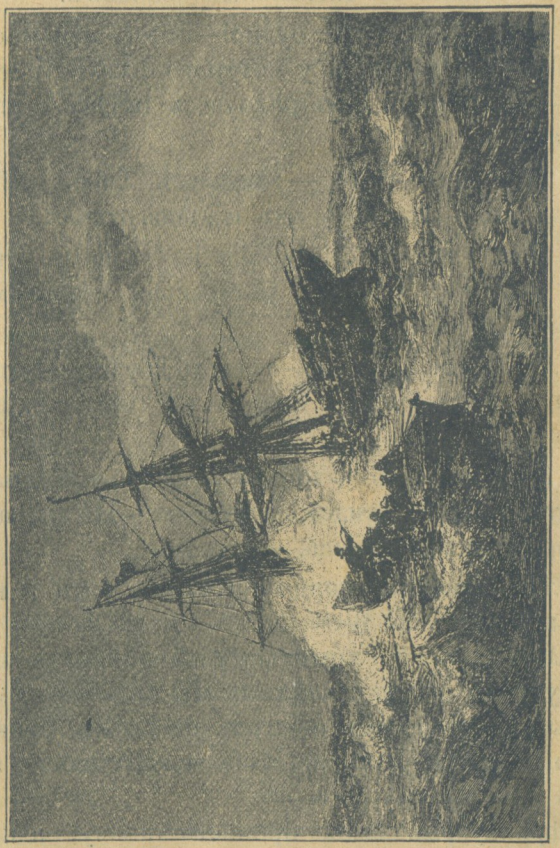
— Отчего? — спросилъ Гервей. — И почему въ такомъ случаѣ намъ не перейти на другое мѣсто?..

— Лучше бы всего намъ у Восточнаго мыса стать!—замѣтилъ Денъ.—Тамъ начнешь ужъ работать, какъ слѣдуетъ. Все на-ходу дѣлать придется: и ѣсть, и пить, и спать. Да, Гервей, хорошо, что мы тебя успѣли вышколить для такой работы. А то бы ты ея не выдержалъ.

Гервей зналъ, что это мѣсто—конечная цѣль ихъ плаванія, и часто мечталъ о томъ, какъ они послѣ работы вернутся назадъ, на сушу.

Однажды стоялъ на морѣ густой туманъ, и вдругъ команда шкуны услышала ревъ сигнальнаго рожка. Въ это время шкуна переходила на другую стоян-

ку, во избѣжаніе лишней работы не поднимая якоря.



— Идетъ корабль и требуетъ дать дорогу!— крикнулъ Джэкъ.

И точно, изъ тумана мало-по-малу начали выдѣляться снасти большого судна, и наша шкуна трижды позвонила въ сигнальный колоколъ.

— Это французское судно!—недовольно проворчалъ дядя Сольтерсъ, у котораго было острое зрѣніе. — А у меня какъ-разъ весь табакъ вышелъ, Диско...

И у меня тоже, — замѣтилъ Томъ.—Эй, эй, откуда вы?—гаркнулъ онъ во весь голосъ.

— Изъ Сенъ-Мало!—крикнула команда встрѣчнаго судна въ отвѣтъ, размахивая колпаками.— Давайте доску!..

— Неси, доску Денъ!—сказалъ Диско.—Нигдѣ не любятъ французовъ. Только въ Америкѣ ихъ и терпятъ.

— Эхъ, мало вотъ табаку у насъ!—сказалъ дядя Сольтерсъ и обратился къ Гервею:—Не знаешь ли ты французскаго языка, паренекъ?

— Ну, еще бы!—гордо отвѣтилъ юнга и крикнулъ:—Arretez vous! Attendez!.. Avez vous du tabac?

— A! tabac, tabac?!—хоромъ откликнулись французы.

Спустили лодку и подошли къ кораблю. Ѣхали Томъ и Гервей, ихъ подняли на бортъ французскаго корабля, угостили, какъ могли только, а затѣмъ начался самый торгъ.

У французовъ была пропасть табаку, а шоколаду и сухарей не хватало. Гервей съѣздилъ на шкуну, забравъ жестянки какао и мѣшки съ сухарями и вернулся на бортъ французскаго корабля.

Томъ Плэтъ сошелъ въ лодку, нагруженный плитками табаку для жеванія и куренія.

Вскорѣ послѣ окончанія дѣлежа французское судно стало отдаляться отъ нихъ и немного погодя совершенно скрылось въ густомъ, непроницаемомъ туманѣ.

ГЛАВА VI.

Гервея, особенно, удивляло то, что суда, плавающія по Атлантическому океану, были крайне безпечны. Только рыбацкія суда дружили между собою и охотно оказывали часто небольшія услуги другъ другу; небольшіе пароходы и не думали объ этихъ пигмеяхъ, и дождаться отъ нихъ участія и помощи нечего было и разсчитывать.

Разъ случилось вотъ что.

Какъ-то разъ шкуну „Вотъ мы“ упорно преслѣдовало большое судно, съ грузомъ скота, которое просто изъ небрежности не хотѣло обойти шкуну. Шкиперъ судна гнѣвно кричалъ въ рупоръ, чтобы наши рыбаки сошли съ пути, а само судно шло какъ попало, наугадъ.

Это взбѣсило Диско, онъ подвелъ шкуну къ судну съ подвѣтренной стороны и крикнулъ, въ свою очередь:

— Да, что вы шатаетесь зря по морю? Право, чисто бродяги по глухимъ дорогамъ. Или не видите, что кромѣ васъ люди на бѣломъ свѣтѣ есть! Возьмите глаза-то въ руки!

Шкиперъ отъ злости даже запрыгалъ на рубкѣ и крикнулъ, въ свою очередь, какую-то шутку насчетъ глазъ самого Диско.

Тутъ началась отчаянная перебранка, и, наконецъ, шкиперъ крикнулъ:

— Да у васъ цѣлый грузъ сумасшедшихъ!..

Хорошо еще, что шкуна осталась цѣла и дѣло кончилось только тѣмъ, что Диско былъ страшно оскорбленъ всей этой встрѣчей.

Между тѣмъ отъ одной стоянки до другой шкуна хотя медленно, но все-же подвигалась къ сѣверу; ежедневно лодки выплывали на рыбную ловлю, крейсируя вдоль огромнаго рифа, на глубинѣ саженъ сорока.

Какъ-то разъ ночью дядя Сольтерсъ поднялъ на ноги всю команду крикомъ:

— Ребята!.. Сквиды!..

Всѣ тотчасъ вскочили на ноги и бросились къ борту съ орудіемъ для ловли.

Это особое мягкотѣлое, которое служитъ лучшей приманкой для ловли трески. Треска идетъ на нее съ жадностью. Ловятъ это животное особымъ снарядомъ, который состоитъ изъ кусочка свинца, на нижнемъ концѣ котораго натыканы иглы. Животныя, обвиваясь вокругъ свинца, накалываются на иглы; ихъ тогда поспѣшно вытаскиваютъ изъ воды, прежде чѣмъ они успѣютъ сорваться съ этихъ колючекъ.

Эти „сквиды“, раздраженные болью, пускаютъ

въ лицо ловцовъ сильную струю воды, а потомъ струю черной жидкости, похожей на чернила.

Ловецъ всячески старается уклониться отъ этого

угощенія, вертитъ головой, но безуспѣшно. Къ концу ловли онъ бываетъ весь черный, вродѣ трубочиста. То же самое было и съ нашими рыбаками. Зато на палубѣ были свалены ворохами

эти животные, и теперь и нужно было ждать хорошей ловли трески.

На другой день рыбаки встрѣтились съ шкуной „Кэрри-Питманъ“. Рыбаки не утерпѣли похвастаться удачной ловлей дорогой для рыбаковъ приманки.

Съ „Кэрри-Питманъ“ предложили помѣняться сквидами на треску. Они давали по семи штукъ трески за одного сквида,—но только Диско Труппъ на эту мѣну ни за что не согласился.

Нечего было дѣлать съ упрямымъ старикомъ, и лодка „Кэрри-Питманъ“ отошла отъ шкуны „Вотъ мы“ крайне недовольная. Въ полумилѣ отъ послѣдней она бросила якорь; экипажъ хотѣлъ попытать счастья и самъ наловить себѣ сквидовъ.

Шкуна „Вотъ мы“ бросила якорь. Увидя это, лодка съ „Кэрри-Питманъ“ подошла къ нимъ и спросила, зачѣмъ они стали на якорь и почему не уходятъ отсюда.

— А потому что вы стали къ намъ съ навѣтренной стороны!—крикнулъ Дэнъ.—А папа этого никому не прощаетъ.

Поднялась перебранка между рыбаками, послѣ чего осмѣянная лодка „Кэрри-Питманъ“ вернулась къ своей шкунѣ.

— Я знаю, что они дѣлать будутъ,—недовольно проворчалъ Диско:—будутъ себѣ спать до самой ночи, а потомъ ихъ шкуну понесетъ сюда, на насъ. А я все-таки не уступлю имъ и не сойду со своего мѣста. Впрочемъ, хоть „Кэрри-Питманъ“

постоянно не можетъ удержаться на якорѣ, а всегда сама же ихъ себѣ ломаетъ, но на этотъ разъ, можетъ-быть, она и устоитъ на мѣстѣ...

Къ ночи море заволновалось,— пошли волны, но настолько небольшія, что и лодку бы не сорвало съ якоря.

Однако для „Кэрри-Питманъ“ это указомъ вовсе не было.

Юнги наши стояли на вахтѣ, когда они вдругъ услышали гулкій выстрѣлъ револьвера съ борта „Кэрри-Питманъ“.

— Шабашъ!—крикнулъ Дэнъ.—Папа! Шкуна идетъ на насъ, да зря, бокомъ, точно на насъ!..

Будь это другое судно, Диско не встревожился бы; судно могло бы оправиться и взять другой путь. Но на такую ловкость со стороны „Кэрри-Питманъ“ разсчитывать было нельзя, она могла налетѣть на ихъ шкуну, и Диско перерубилъ якорный канатъ, и какъ-разъ во-время: встрѣчную шкуну несло прямо на нихъ, и „Мы здѣсь“ отошла немного, чтобы дать свободный проходъ ей.

Далеко отходить Диско не хотѣлъ, чтобы потомъ не искать съ недѣлю якоря.

— Доброй ночи!—насмѣшливо крикнулъ Диско вслѣдъ проходившей мимо шкунѣ, приподнимая колпакъ.—Ну, что, хороша у васъ на огородѣ капуста?

— Вы бы мула наняли для перевозки судна!—гаркнулъ дядя Сольтерсъ.

— Можетъ, вамъ подарить якорь съ лодки?—не уступилъ другимъ и Джэкъ.

На другой день почти съ полдня пошло на то, чтобы отыскать обрубленный якорь.

Но никто не унывалъ, и оба юнги охотно производили свои поиски. Ужъ очень хорошую побѣду одержали они надъ „Кэрри-Питманъ“! Жаль только было всѣмъ, что мало остроумныхъ вещей послали они вдогонку ей...